

ЕЛЕНА УСАЧЁВА

Проклятие
Волчьей
бухты

Елена Александровна Усачева
Проклятие Волчьей бухты
Серия «Волчья бухта», книга 1

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169919

Большая книга ужасов-2. Проклятие Волчьей бухты. Призрак Ивана

Грозного: Эксмо; М.; 2008

ISBN 978-5-699-26772-9

Аннотация

Что это за место? Аномальная зона, логово волка-оборотня, пристанище неуспокоенных душ? Или просто уединенная бухта, отлично подходящая для тренировок юных пловцов? В спортивном лагере все тайком бродят по ночам, все что-то скрывают... А однажды утром Маринка просто исчезла. Говорят, она уехала домой. Но Тамара догадывается: это неправда. Ведь она нашла дневник исчезнувшей девчонки...

Ранее повесть «Проклятие Волчьей бухты» выходила под названием «Призраки Волчьей бухты».

Содержание

Глава I	4
Глава II	29
Глава III	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Елена Усачева

Проклятие Волчьей бухты

Глава I

Дневник Марины Гусевой

Маринка пропала в среду утром, 10 августа, а в четверг Томка нашла тетрадь с истрепанной обложкой.

Тетрадь лежала в кустах. Страничка, на которой заканчивался текст, была заложена ручкой. Как будто Маринку на минутку отвлекли, она отложила свою работу...

И больше к ней не вернулась.

Томке стало страшно. Она смотрела на одинокую тетрадь и боялась к ней притронуться, словно это был не обыкновенный набор листочков, а сама Маринка Гусева. Только не живая, а мертвая.

Гусева исчезла утром, сразу после тренировки. Ребята отплавали свою норму, потом тренер Наталья Ивановна разрешила всем немного отдохнуть, и они как ненормальные снова бросились в воду. Маринка с утра чувствовала себя плохо, отлеживалась в палате. Но когда все вернулись, Гусевой уже не было. Только постель ее была вся перевернута, как будто Маринку насильно стаскивали с нее. Больше ее не видели.

Она словно испарилась. Ни около домиков, ни около столовой, ни у моря ее не было.

Томка упала на колени рядом с кустом.

Значит, вчера она сидела здесь, ждала, когда позовут на обед, и писала свой дневник. Зачем Маринка сюда поднялась? Она даже на постели сидела с трудом. На этот же обрыв надо карабкаться. Да после такого подъема Гусева должна пластом лежать, а не дурацкий дневник заполнять! А что она делала потом? Встала и растаяла в воздухе?

Это все Светка!

Томка дала слово, что плакать больше не будет. Все слезы были выплаканы вчера. Ревели хором все девчонки, мальчишки особняком стояли в стороне и не знали, что делать. После обеда они прочесали все побережье, выходили к дороге.

Никаких следов.

Они даже дошли до ближайшего поселка. Оттуда ходил автобус до города. Местные жители только плечами пожимали. Чужие у них не появлялись.

Маринка как в воду канула.

Томка посмотрела вниз. Отсюда открывался красивый вид на море. Оно искрилось в лучах солнца. Глазам было больно на него смотреть. Легкий ветерок подгонял еле заметную волну. Был полный штиль, как говорят моряки. В такую погоду тяжело утонуть. А Маринка слишком хорошо плавала, чтобы пойти ко дну при любой погоде.

Волчья бухта, где обосновалась школа спортивного плавания, была узкая. С двух сторон ее плотно охватывали горы. Если отплыть подальше и что-нибудь крикнуть, например: «Харитоновна – дура!» – это слово полчаса будет эхом метаться между гор.

Если бы Маринка тонула, она бы крикнула, и ее услышали бы.

Это все из-за Светки!

В секцию по плаванию Томка Цыганова пришла самой первой и плавала лучше всех. Тренер Наталья Ивановна удовлетворенно кивала и не забывала повторять Томкиным родителям, что из их дочери вырастет настоящая спортсменка. Если, конечно, Тамарка не начнет лениться. А потом пришла Маринка Гусева. Она переехала в их город откуда-то изда- лека и плавала не ахти как хорошо. Сначала. А потом она обогнала всех. Цыганова и оглянуться не успела, как Маринка опередила ее на соревнованиях, а потом и вообще стала бодро скакать с разряда на разряд.

– Талант, – обронила как-то Наталья Ивановна.

Талант, где ты?..

Томка шмыгнула носом, вытерла слезы и робко подошла к кусту. На нее смотрели длиннющие колючки. Изрядно расцарапаешься, прежде чем доберешься до тетради. Томка спустила пониже рукава рубашки и сжала зубы. Ничего, терпеть боль она умеет.

После Маринкиных побед Тамарка стала упорно трениро-

ваться. Чтобы она так легко уступила свое первенство!

Какие же глупые мысли приходят в голову в двенадцать лет! С тех пор прошел целый год, и Томка стала умнее. Сейчас бы она за Маринкой не гналась, а тогда...

Что бы Цыганова ни делала, Гусева все равно шла впереди. И что самое ужасное – ей это ничего не стоило. Ей было все равно! С тем же успехом Маринка могла бы вышивать крестиком или вырезать лобзиком. Везде она была бы первой. И все это совершенно не грело ее душу.

А потом всем объявили, что лучшие поедут в летний лагерь на море.

Как все начали стараться! Мальчишки даже дополнительные тренировки устраивали, лишь бы пройти все зачеты.

И тут вдруг появилась эта Хомякова-Хохрякова.

На самом деле ее звали Светка Харитоновна, и похожа она была на Муми-тролля из сказки. Маленький носик, кругленькие щечки. Тамарка ее фамилию никак не могла запомнить, поэтому и прозвала Хомяковой-Хохряковой. Плавала Светка плохо, так что о поездке на море могла и не мечтать. Но когда зачитали общий список, она там была.

Не было Маринки.

Вот тогда-то Томка впервые увидела, как Гусева умеет злиться. За Маринку встала вся группа, и ее внесли в список. Но Хохрякова-Хомякова там тоже осталась, хотя все были против нее, и Наталья Ивановна обещала подумать.

Цыганова зажмурилась и чуть ли не с головой нырнула в

куст. Руки и лицо обожгло болью.

Но тетрадка! Вот она!

Томка отпрыгнула назад, прижимая к груди добычу. Теперь-то откроется все.

О том, что Маринка ведет дневник, Цыганова с удивлением узнала уже в лагере. Самой Томке ведение дневника казалось скучнейшим занятием. Сидеть каждый вечер, что-то писать. Нет, этот подвиг был не для нее. А вот Маринка сидела и писала. И не пять минут. Пока девчонки плескались перед сном в душе, Гусева забиралась с ногами на кровать и что-то строчила в свою тетрадку. Заглянуть ей через плечо мечтали все. Но никому это не удавалось. Маринка тщательно берегла собственные тайны. Никто не догадывался, где она хранила свои секреты. Дневник появлялся вечером, а ночью его уже не было ни под подушкой, ни в тумбочке. Девчонки это проверяли. И не раз.

– Ведьма она, вот и все, – однажды брякнула Хомякова-Хохрякова, вгрызаясь в запрещенное для всех печенье. – Просто рисуется. Хочет показать эдакую загадочность. А на самом деле пишет там всякую чушь. «Погода хорошая. Море спокойное». – И Светка потянулась за новым печеньем.

Был вечер после отбоя. Последний вечер перед Маринкиным исчезновением. Девчонки торчали в ванной комнате, наводя последний марафет перед сном. Маринка, как всегда, сидела в палате. Уже тогда она говорила, что плохо себя чувствует.

После харитоновских слов Тамарка демонстративно ушла из туалета, хлопнув дверью. Все-таки Светка была на редкость вредной девчонкой. Ее давно следовало бы проучить. И у Цыгановой был уже разработан план.

Она вернулась в палату. Не глядя на занятую своими мыслями Маринку, прошла к Светкиной кровати, чуть приподняла решетку с пружиной и сдвинула немного в сторону. Если Светка сядет на свою кровать со всего размаху, то с грохотом полетит на пол.

– А тебе не кажется, что в этой бухте мы не одни? Что здесь есть еще кто-то, и ему очень не нравится, что мы приехали?

От неожиданности Томка вздрогнула и обернулась. Маринка задумчиво водила концом ручки по своему носу.

– Еще скажи, что ты заметила призраков, – фыркнула Цыганова. За прошедшую неделю ничего, кроме моря, она не видела, и этого ей было вполне достаточно. – И они тут бродят с горящими глазами и ищут, кого бы съесть.

– Они не бродят. – Маринка почесала ручкой нос. – Они ждут своего часа, чтобы нас уничтожить.

– Не смешно! – отмахнулась от такой глупости Томка. В коридоре слышались шаги – девчонки возвращались из туалета, и вот-вот должно было начаться представление с падением.

Особой дружбы между девчонками не было. Тяжело дружить, когда твой успех является неудачей для другого. Ма-

ринка Гусева просто нравилась Томке. Она была вся такая загадочная.

И вот до чего эта загадочность довела – человек исчез. Был – и нет.

Тамарка провела ладонью по дневнику, словно погладила. Больше ничего для Маринки она сделать не могла.

На первой странице была нарисована какая-то фея, в руке у нее была волшебная палочка. Из кончика волшебной палочки вырастал стишок:

Кто возьмет альбом без спроса,
Тот останется без носа.

Нос у Томки сразу зачесался. Она схватила его всей пятерней и старательно потерла.

– Ничего, сегодня можно, – пробормотала она, на всякий случай оглядываясь – не следит ли кто-нибудь за ней. Обрыв, на котором она устроилась, был пуст. Только море вдали бессовестно смеялось, блестя на солнце.

– Я тебе, – зачем-то погрозила морю Томка и перевернула страницу дневника.

С фотографии на нее смотрела Маринка. Светлые волосы собраны в короткий хвостик, глаза, как всегда, грустные и задумчивые, губы растянуты в улыбке. В одной руке ласты, в другой – лейка.

Вот-вот, у Гусевой всегда так – чем занимается, непонят-

но. То ли плывет, то ли цветы поливает. Снизу фломастером была проведена стрелочка и приписано: «Это я». Дальше шли фотографии мамы с папой, кого-то с кем-то в школе и на улице. Все это Томка пролистала. Ей сейчас не было дела до чужих родственников и друзей.

Выпала ручка. Тетрадка сама открылась на середине.

Сверху стояло «10 августа, среда».

Вчерашний день.

«Сама не знаю, что со мной происходит. Всю ночь снились кошмары. Я раз десять тонула, пыталась всплыть, а на меня обрушивались все новые и новые водяные потоки. Потом приснилось, что я сижу на песке посередине бухты, а вокруг никого нет. Ни домов, ни ребят. Бухта совершенно пуста. Снова и снова приходит она – Чумочка. Твердит, что все умрут. Все!!!»

На этом запись заканчивалась.

Томка снова почесала нос. Вот уж чудеса так чудеса. Они в этой бухте неделю, Маринка кого-то видела, вела какую-то тайную жизнь, и никто об этом не догадывался. Может, Чумочка просто ящерица какая-то?

Подул ветерок. Цыганова подняла голову.

«С чего это вдруг Маринку на такие странные сны потянуло? – грустно подумала она. – Было же все хорошо».

Девчонки не раз пробовали проследить за Гусевой. Не может дневник испаряться. Вот он есть, а через полчаса нет. Его кто-то куда-то перекладывает. Скорее всего у Маринки

есть тайник!

Следили, следили, да так ничего и не заметили. Дневник продолжал то появляться, то исчезать.

В конце концов девчонкам надоело отгадывать загадку дневника. Прячет и прячет, ну его! Тамарка же решила не спать всю ночь. Дневник не кошка, сам встать и уйти не может. Кто-то его уносит. Этого кого-то и стоит искать. Обычно девчонки засыпали сразу – тренировок было много, на болтовню и другие развлечения сил не оставалось. Томка честно крепилась полчаса, но и ее сморил сон.

Проснулась она от скрипа кровати. Маринка сидела, вцепившись в подушку, и широко распахнутыми глазами смотрела перед собой.

«Сейчас дневник понесет прятать», – решила Томка, приотворяясь спящей.

Но Маринка продолжала сидеть, раскачиваясь из стороны в сторону, и идти пока никуда не собиралась.

Окно палаты медленно открылось...

Тамарка, забыв о конспирации, приподнялась на локте.

В окне виднелась какая-то темная фигура. Маринка тоже на нее смотрела. Потом встала, подошла к окну, положила ладони на подоконник.

Томка вытянула шею, чтобы лучше рассмотреть. Но Маринки в палате уже не было. Как была, в ночнушке и босиком, Цыганова помчалась к окну, выскочила на улицу.

Трещали цикады. Ухала какая-то ночная птица. Шуршал

прибой. Больше никаких звуков не было. Хотя шаги двух людей еще должны были быть слышны. Но их не было. Может, Маринка и этот «кто-то» улетели?

Странно все это.

Тамарка переступила с ноги на ногу. С непривычки босые подошвы колол жесткий песок. На улице было темно и неуютно, еле слышно шумело море.

Наверное, у Маринки завелся тайный воздыхатель, который таким странным образом вызывает ее на ночные свидания, рассуждала сама с собой Тамарка, карабкаясь обратно в палату.

Хотя какой здесь воздыхатель? Кроме своих же мальчишек, на несколько километров ни одной живой души.

И тут Томке бросилась в глаза еще одна странность – кровать Хохряковой-Хомяковой тоже пустовала.

Пока Цыганова размышляла о превратностях судьбы, разглядывая пустую кровать Харитоновой, за ее спиной возникла темная фигура. Секунду фигура постояла на месте, а потом медленно опустила руку Томке на плечо.

– Ну что, Цыганова, страшно?

От ужаса у Тамарки подкосились ноги, и она повалилась в проход между кроватями. В панике ей даже крикнуть не удалось – горло перехватило.

Отсюда, снизу, видно было лучше, и Томка сразу разглядела жиденькие бесцветные волосы. Даже нос пенечком заметила.

– Харитоновна, ты псих! – громким шепотом произнесла Тамарка, выбираясь из-под кровати. – Меня чуть кондрашка не хватила.

– А чего ты ночью по палате шастаешь? – Светка плюхнулась на свою постель. – Хочешь так же, как эта сумасшедшая, – она кивнула на пустую Маринкину кровать, – в луна-тики заделаться?

– Почему это Гусева сразу сумасшедшая? Кому-то, между прочим, тоже не спится.

И Цыганова выразительно посмотрела на Харитонову. Харитоновна в ответ не менее выразительно посмотрела на нее. Ох, и неприятный это был взгляд. Холодный, колючий. Он словно сверлил Тамарку насквозь. Томке страшно захотелось сказать Светке какую-нибудь гадость, но от возмущения все слова у нее из головы выскочили, и она только громко засопела, поворачиваясь в сторону своей кровати.

Цыгановой совершенно не нравилось, что Хохрякова-Хомякова так пренебрежительно отзывается о Маринке. Кто она, в конце концов, такая – эта Светка! После лагеря она вообще из их секции исчезнет, об этом она всем говорила.

Как только Тамарка отвернулась от Харитоновой, мысли в ее голове перестали носиться в беспорядке и потекли ровнее.

– Ты на себя когда последний раз в зеркало смотрела? – буркнула Цыганова, в темноте пробираясь на свое место. – Тоже на нормальную сильно не тянешь.

– А чего она тогда каждую ночь в окно шастает? – отозва-

лась Светка.

– Надо, вот и шастает. – Тамарка налетела на чужую кровать и шепотом чертыхнулась.

Маринка тоже хороша, нашла себе ночное развлечение. Могла бы чем-нибудь мирным заняться. Завтра с утра кросс три километра. С недосыпу они недалеко от старта убегут.

– Твое какое дело? – бубнила Томка, обходя возникшее на ее пути препятствие стороной. – Ты вон тоже особенно на своем месте не лежишь.

– Я по делам ходила, – многозначительно хихикнула Светка.

– Вот и она тоже. – Для Тамарки оказалось делом чести отстоять Маринкины интересы перед этой гадкой Харитоновой.

– Знаем мы, какие дела бывают ночью... – противно причмокнула губами Хохрякова-Хомякова.

– В отличие от тебя, Маринка человек с головой и глупостями не занимается! – не сдавалась Томка.

– Ой-ой-ой, – протянула Харитонова.

Вдруг за окном раздался крик ночной птицы, и кто-то часто-часто зацикал, защелкал, затенькал. После короткой паузы снова протяжно завопили.

И наступила оглушительная тишина. Даже море шуметь перестало. Томка зажмурилась, ожидая, что страшные крики повторятся.

Однако ночь за окном молчала. И от этого стало как-то

особенно не по себе.

– Вот и вчера так, – зашептала Светка, хотя ее никто не просил ничего говорить. – Только Маринка в окно, как птица орать начала. А первые ночи такого не было.

– Не твое это дело, поняла? – Тamarке стало очень неудобно, она поспешила закутаться в одеяло с головой. – Спи, завтра не встанешь.

Советуя Светке выспаться перед завтрашней ранней тренировкой, сама Тamarка, конечно, дрыхнуть не собиралась. Она хотела дождаться Маринку и обо всем ее расспросить.

Когда Хохрякова-Хомякова на своей кровати уgomонилась, в открытое окно потекли привычные ночные звуки. Скрипел рамой ветер, шелестели кусты, вздыхали ночные птицы. Море еле слышно шуршало галькой, лениво вздымало низенькую волну.

Цыганова так и видела, как эта волна не спеша накатывала на берег и убегала обратно. Но с каждым разом вода все ближе и ближе подбиралась к лежащей на берегу Тamarке. А ей было лень встать и отойти подальше. Даже рукой шевельнуть неохота. Волна шуршала уже совсем близко, легкие брызги падали на лицо. Еще, еще... И Томка оказалась под водой. Лень куда-то улетучилась. Тamarка встрепенулась и поплыла на глубину, потому что здесь, на берегу, ничего интересного не наблюдалось. А все важное было там, вдалеке.

Томка плыла, плыла, плыла, и ей было очень хорошо, пока она не сообразила, что так долго без воздуха под водой она

быть не может. Поняв это, Цыганова утонула...

Неприятный сон приснился за два дня до Маринкиного исчезновения. Но тогда еще ничего не предвещало несчастья...

Тамарка пролиставла дневник на несколько страниц назад.

Маринка была старательной, записывала каждый день. Минут по пятнадцать корпела над этой дурацкой тетрадкой. Поэтому в дневнике должно быть все, что с ней происходило. Должно быть объяснение странным ночным прогулкам.

После даты «3 августа» и слов «Вот мы и в лагере» все остальные страницы были старательно вымараны. Каждая строчка зачеркнута по несколько раз. На месте больших букв возвышались черные холмики.

Цыганова закрыла дневник, досчитала до десяти и открыла снова. Перед ней опять были черные строчки.

Она зажмурилась. Вновь посмотрела на страницы. Все осталось по-прежнему.

– Этого не может быть, – прошептала Томка и стала быстро листать дневник сначала в одну сторону, потом в другую. И снова в начало. И опять в конец. От черноты рябило в глазах. Зачеркивания навязчиво лезли со страниц, рождая неприятный холодок в груди.

– А если так?

Цыганова захлопнула тетрадь. Зажмурилась. Ущипнула себя за руку. И, не глядя, распахнула на первом попавшемся месте.

Все те же зачеркнутые строчки.

Да, Маринка успела написать много. И кто-то приложил очень много усилий, чтобы все вымарать.

«Могла бы просто вырвать, – подумала Томка, ни на секунду не сомневаясь, что это дело рук Хохряковой-Хомяковой. – Не поленилась десяток ручек перевести. Часа два, наверное, черкала».

Светка почему-то сразу невзлюбила Маринку, хотя Гусева ее и пальцем не трогала. Не до нее было. Многие впервые попали на море, и им просто было хорошо оттого, что они здесь, что плескаются в теплой соленой водичке и подставляют животы солнцу.

Бег вокруг лагеря, часовые растяжки, километровые заплывы – все это было ерунда по сравнению с окружающей красотой.

Раньше в этой бухте что-то такое было. Местные жители, привозящие в лагерь продукты, вроде бы говорили, что здесь находилась лаборатория по изучению дельфинов. Но потом с лабораторией произошло несчастье, ее закрыли, а удачно прошедший ураган снес непрочные постройки. Только время от времени появляющиеся на горизонте дельфины напоминали о том времени.

Хотя дельфины могли приплывать и просто так. Захотели – и приплыли. Мало ли куда их занесет охота за мелкой рыбешкой?

На месте бывших лабораторий построили три летних до-

мика и открытую кухню. Здесь и разместились двадцать человек юных спортсменов. Девчонки – в одном домике, мальчишки – в другом. А в третьем – два тренера, врач и повариха.

Противная Светка делала все, чтобы Маринкино пребывание в лагере было не таким радужным. Гусевой в спину неслись бесконечные «га-га-га», в супе у нее плавали мухи, компот проливался на пол. После той странной ночи, свидетелем которой стала Тамарка, у Светки появилось новое развлечение. Она незаметно подкрадывалась к Маринке и начинала завывать на ухо. Отчего Гусева вздрагивала и бледнела. Но ничего не отвечала.

Сначала эти шуточки надоели девчонкам, а потом и мальчишкам. Хохряковой-Хомяковой была устроена хорошая взбучка. Правда, развлечение прервало появление Натальи Ивановны. Почему она именно сейчас решила заглянуть в домик к мальчишкам, никто не понял. Все видели, как тренер шла плавать. Плавала она обычно часа полтора. «Просто колдовство какое-то», – пожимали потом все плечами.

И где после этого справедливость?

Может, у Светки была своя причина ненавидеть Гусеву, и Маринка об этом знала. Поэтому терпела. И обо всем писала в свой дневник. Именно эти слова Светка и вычеркнула. А дневник спрятала, чтобы никто не нашел.

Хотя могла и просто уничтожить. Взяла бы спички и устроила маленький костер.

Тамарка снова открыла дневник.

Так. Анкета. Самые глупые вопросы, какие только можно придумать.

Анкета хозяйки дневника. «Любимый цвет – синий», «любимый школьный предмет – черчение». Ну-ну. «Любимый мультфильм – „Труп невесты“.»

«Такой есть? – мелькнуло у Тамарки в голове. – Что за гадость?»

«Любимый фильм – „Восставшие из ада“, „Обитель зла“, „Воскрешая мертвецов“.»

«Ничего себе наборчик, – мысленно присвистнула Цыганова. – Да от одних этих фильмов свихнуться можно».

«Любимый певец – обойдемся без попсы».

«Смешно», – хмыкнула Томка.

«Что такое дружба – способность человека идти с тобой до самого конца».

Угу.

«Самое заветное желание – победить мировое зло».

У Томки и так на душе было как-то нехорошо. А теперь совсем плохо стало. По спине пробежал неприятный холодок.

Вот это желаньице! Врагу не посоветуешь. А ведь Тамарке казалось, что она Маринку знает. Дружит с ней, можно сказать. А на деле выходит, что Гусева чуть ли не инопланетянка. Прямо как Алиса Селезнева, девочка из будущего.

Следующие несколько страниц были заняты анкетами ка-

ких-то Даш, Маш и Вероник. Последней шла загадочная Чумочка. Писала она коряво, слова ползли то вверх, то вниз. Ничего особенного в ее ответах не было. «Нет», «нет», «не знаю», «разные».

– Чумочка, – прошептала Томка.

Неожиданно налетел прохладный ветерок. Тамарке стало холодно, руки и голые колени покрылись «гусиной кожей». Ей вдруг показалось, что в эту секунду какая-то странная фигура, напоминающая даму в черном, медленно подходит к ней со спины. От резкого поворота Цыганова чуть не съехала с обрыва вниз.

– Вот черт! – воскликнула она, когда солнце из холодного вновь стало горячим. – Привидится такое!

Она опять посмотрела на дневник. Под анкетой Чумочки стояло «5 августа, пятница».

В голову полезли всякие нехорошие мысли.

«Предположим, в бухте только свои. Значит, Светка наряжалась во все черное, приходила по ночам к Маринке, дневник ей заполнила. А Гусева оказалась такой глупой, что не разгадала розыгрыш и повелась на Светкино переодевание. Потом, когда все стало известно, Харитоновна скинула Гусеву со скалы. Чтобы скандала не было. И все, что Маринка про нее написала разоблачающего, она вычеркнула. Чтобы никто не догадался».

Цыгановой даже жарко стало от таких фантазий.

А что? Все сходится. Хохрякова-Хомякова на такое впол-

не способна.

– Эй, девочка! – Тамарка захлопнула тетрадь и повернулась.

Над обрывом проходила дорога, которой местные жители пользовались раз в сто лет. Сейчас был как раз тот случай. На дороге стояла ярко-красная легковая машина. Из нее выглядывал старик.

– Девочка, ты из лагеря? – поманил он Тамарку к себе.

Цыганова кивнула. Скорее всего это был кто-то из поселка. Местные привозили в лагерь продукты. Происходило это обычно утром. За продуктами посылали мальчишек в качестве наказания. Кто добровольно пойдет таскать тяжести? Чаще всего везло Андрюхе Павлову. Он вечно влипал в какие-нибудь истории, и его наказывали утренним подъемом в горы к дороге. Сейчас был день, и что здесь делал дед, было непонятно.

– Возьми у меня бидон, отнеси до своих, – попросил старик, распахивая заднюю дверцу машины. Там на сиденье лежала большая фляга. – Я должен был утром приехать, да не смог, сын у меня заболел. Самому к вам спустаться тяжело. А тут такая удача – ты. Я и не ожидал, что кто-то наверху будет.

– Я сама не ожидала, – под нос себе пробормотала Томка. Ей не очень улыбалась перспектива на своем горбу тащить вниз тяжеленную ношу. Надо бы кого-нибудь из мальчишек позвать.

– Сначала подумал, чужой кто ходит, – на одной ноте продолжал бубнить старик. – А потом, вроде нет, живая ты. Я и обрадовался.

– Здесь из чужих только чайки летают, – пыталась вклиниться в стариковское пришепетывание Тамарка. А потом осеклась. С чего это дед ее за мертвую принял?

– Я этих мертвяков не люблю, – все тянул дед. – Они, конечно, безобидные. Да кто их знает, что у них в башке сидит? Еще под воду утащат. Вроде пошутили, а мне конец.

– Это вы о каких мертвяках говорите? – Томка уже успела взгромоздить флягу на спину и приготовилась спускаться. Но после такого заявления она опустила свою ношу на землю. – Эй, вы что, бредите?

– А о каких же еще? О здешних, – с готовностью стал рассказывать дед. – Как лабораторию прикрыли, так они тут и бродят. В черном все такие. Уж их били и ловили, а они все обратно возвращались.

Тамарка вздрогнула. Ей вновь вспомнилась Чумочка из дневника. Может, это была не Светка?

– А чего это они бродят? – Цыганова зябко передернула плечами и осторожно посмотрела по сторонам. Вдруг какая опасность сзади подкрадется? Или сбоку? Ей начало казаться, что, как только она отвернется, за ее спиной тут же кто-нибудь появится. Годзилла или Кинг-Конг. Старик Хоттабыч в конце концов. Он тоже в гневе ужасен.

Старик пожевал губами, задумчиво глядя в выгоревшее

небо.

– Да кто ж их теперь знает? Химичили здесь что-то. Все дельфинов приваживали. Вот дельфины-то их и погубили, в море утащили, а души на берегу оставили, чтобы люди впредь к ним не совались.

«Сумасшедший», – мелькнуло у Тamarки в голове. Действительно, как-то не вязались истории о призраках и добрые милые дельфины, время от времени появляющиеся на горизонте. Да и с лабораторией не мешало бы разобраться.

Цыганова повернулась, чтобы поподробнее расспросить старика, но не успела. Остановившимся взглядом дед смотрел куда-то мимо нее. Заметив, что Томка на него пялится во все глаза, он вздрогнул и спешно забрался в машину. Взревел мотор. Колеса завизжали на сыпучих камнях.

Тамарка вцепилась во флягу, словно она ее могла защитить от любой опасности, и только после этого скосила глаза влево.

Там никого не было. Вроде бы темная тень мелькнула. Томка вывернула голову до хруста в шее. Но и за спиной никто не стоял.

Или не было никаких теней? Просто от резких движений у нее потемнело в глазах. Да и солнце сегодня какое-то ослепительное.

Машина уехала. На горизонте все так же плескалось море. Тамарка вздохнула, взвалила на себя флягу и потопала вниз по тропинке.

Ценный дневник она спрятала за пояс шорт, под рубашку.

Пыхтеть под тяжелой флягой Томке пришлось недолго. До тех пор, пока в нее не врезался Мишка Богдасаров.

На первый взгляд Мишка был толстым и неповоротливым. Но в воде его неуклюжесть исчезала. Плавал он быстрее всех, уверенно идя на взрослые разряды.

Сейчас Мишка был не в воде, а на суше, поэтому чуть не сшиб Томку с ног.

– Совсем ослеп! – в сердцах крикнула Тамарка, уворачиваясь от падающей фляги.

За «убежавшим молоком» никто не бросился. Ребята стояли и следили за тем, как алюминиевая тара, подпрыгивая и ухая, бодро катится с горы.

– А если разобьется? – философски изрек Мишка, и они одновременно помчались следом за беглянкой.

Фляга, видимо, решила не усложнять им жизнь. Стукнувшись о камень, она поменяла направление и застряла в колючих кустах.

И почему на юге всегда все кусты колючие?

Тамарка потеряла друг о друга голые коленки, расправила рукава у рубашки и глянула на тяжело отдувающегося Богдасарова.

– Лезь первый, – щедро разрешила она. – Я за тобой.

– А чего я? – Мишка посмотрел на свои голые ноги. – Наталья Ивановна зовет. Там тренировка начинается, а тебя нет. И вообще она велела никому из лагеря не уходить, по-

ка Гусеву не найдут. А то взяли манеру пропадать. Ищи вас потом!

Томка поправила выскакивающую из-под рубашки заветную тетрадь, шмыгнула носом и упрямо тряхнула головой.

– Иди, иди, – подогнала она задумчивого Богдасарова. – Наталья Ивановна говорила, что мальчишки должны помогать девочкам.

– Еще чего, – Мишка явно собирался удрать. – Там колючки. С расцарапанными ногами в воду не пустят.

– Что? – Тамарка стала наступать на Мишку, и тому волей-неволей пришлось попятиться в кусты.

– Между прочим, таскать еду должны дежурные, – тягостно охая, Мишка потянулся за флягой. – Сегодня очередь Павлова. Я вчера натаскался. Плечи болят. А у нас завтра зачетные заплывы!

Мишка всегда таким был. Вместе они плавали уже три года. Больше того – пару лет назад Томка и Мишка учились в одной школе. Богдасаров постоянно ворчал. На уроки, погоду, еду, сложную задачу или холодную воду в бассейне. Но никогда ничего не говорил про само плавание. Плавать ему нравилось.

Томка покачала головой. Как же тяжело с этими мальчишками. Ничего не могут сделать просто так. Все у них с вывертом.

Фляга совершила за них почти всю работу. Половину расстояния она спустилась самостоятельно. Богдасарову остава-

лось пройти всего ничего – метров пятьдесят крутого спуска, а там за поворотом до столовой рукой подать. Говорить они об этом дольше будут, чем идти.

Краем глаза Тамарка заметила какое-то движение.

На дорожке стояла темная фигура.

Цыганова почесала макушку.

А ведь Наталья Ивановна предупреждала, чтобы они всегда носили кепки. И вот – пожалуйста. Тамарка всего полчаса посидела с непокрытой головой и сразу же солнечный удар схватила. Недаром у нее перед глазами все время черные пятна маячат.

Томка пару раз моргнула.

Фигура исчезла.

Мишкин голос все еще бубнил о мировой несправедливости и ближайшем зачете. Но судя по треску, у него получалось вытащить злосчастную флягу из кустов.

Тамарка крепко-крепко зажмурилась, а когда открыла глаза, то на месте черной фигуры увидела Хохрякову-Хомякову.

Светка вырулила из-за поворота и стала взбираться как раз на тот обрыв, где Тамарка нашла дневник Марины Гусевой.

– И давно тренировка началась? – спросила она у Мишки, который уже почти вытолкал флягу на тропинку.

– Как я за тобой пошел, так и началась, – пыхтел Богдасаров. – Не будут же они тебя ждать? Много чести.

– Бежим!

Тамарка так резко схватила Мишку за руку, что тот выпустил флягу. Фляга секунду постояла на дорожке, размышляя, в какую сторону ей свалиться, и покатилась в кусты.

– Так ведь я... – Слов от возмущения у Мишки не было.

Тамарка тащила Богдасарова за собой. Мишка же все еще смотрел в сторону несчастной фляги, с которой за это короткое время успел сродниться.

– Потом достанем. – Томка мертвой хваткой вцепилась в Богдасарова. Неповоротливый Мишка все еще норовил вернуться за флягой.

– Ты драться умеешь? – спросила Томка, останавливаясь.

Она понимала, что если в Маринкином исчезновении виновата Светка, то добровольно Харитонов ничего не расскажет. Придется применять силу. Сама Цыганова дралась один раз в жизни, и то в первом классе, когда они на перемене устроили грандиозную куча-мала. Мишка же задумчиво мял свои большие руки, всем своим видом показывая, что еще ни разу в жизни не дрался.

Да, компания у них подобралась еще та...

Глава II

Бег по пересеченной местности

Светка уверенно шла к обрыву, ничего не видя и не слыша вокруг себя. Тамарка мчалась следом. Сзади топал Мишка, создавая столько шума, словно по путям одновременно шел десяток поездов.

Добравшись до заветного куста, Харитоновая остановилась. Томка подкралась сзади.

Что делать дальше – она не знала. Накинуться на Светку с криком: «Ты – убийца! Сдавайся»? Тихо подойти и постучать по плечу?

Цыганова вытащила из-под рубашки тетрадь таким жестом, каким, наверное, революционеры доставали из-за пояса «наган».

Светка с удивлением смотрела на куст.

Томка медленно подходила к ней, пытаясь придумать, как лучше поступить. Но за нее все решил Мишка. Выбравшись на ровный участок, он отдышался и недовольно проворчал:

– И чего мы сюда карабкались? Могли бы и в обход пройти. Там дорога удобней.

Харитоновая повернулась. Томка махнула дневником перед ее носом.

– Не это ли ты ищешь? – выпалила она.

– Положи обратно! – прыгнула вперед Светка.

Тамарка ловко увернулась и снова подразнила Хохрякову-Хомякову своей находкой.

– Что ты сделала с Маринкой?

– Отдай! Он не твой! – не сдавалась Харитоновна, пытаюсь подойти к Тамарке.

– И не твой тоже! – Цыганова неудачно ступила. Из-под ноги посыпались камешки – она стояла на самом краю.

– Девочки, хватит, – тянул Богдасаров. – Нам на тренировку пора.

– За что ты ее убила? – выложила свой главный козырь Тамарка.

– Ты что, с ума сошла?

У Светки были все шансы убежать. Томка стояла около обрыва, Мишка не собирался никого задерживать. Но Харитоновна не уходила. Она двигалась вдоль кромки обрыва, не спуская глаз с тетрадки.

– А кто же еще? – Ух, как Тамарка сейчас ненавидела Светку. – Ты ее никогда не любила. Ты стащила ее дневник и все из него вычеркнула, чтобы никто не узнал, что Маринка написала!

– На солнце перегрелась? – Светка снова попыталась выхватить дневник, но в этот раз Томка была ловчее. Она поднырнула под Светкиными руками и отбежала подальше от края.

Харитоновна качнулась на самом обрыве и замерла.

– Девочки, хватит ругаться, – продолжал нудить Богдасаров. – Пойдемте на тренировку.

– Дельфины!

Светка стояла лицом к морю, прикрывая глаза от яркого солнца ладошкой.

– Ой, правда, дельфины, – радостно подпрыгнула Томка.

На границе бухты мелькали черные плавники. Один, два, три, четыре!

Вот один дельфин показал спину, а потом и целиком вынырнул на поверхность. За ним этот трюк повторили еще два.

– Как красиво! – с восторгом произнесла Тамарка.

– Ничего красивого, – отрезала Харитоновна.

Томка посмотрела на стоящую рядом Светку. Лицо у нее было перекошено злобой.

– Ты чего? – опешила Цыганова. – Это же дельфины. Они добрые.

– Доброго в них никогда ничего не было, – Хохрякова-Хомякова отошла от края. – Дельфины на зов идут. Она все-таки их вызвала. Скоро здесь будет весело.

И словно забыв о том, что только что с остервенением пыталась отнять у Томки тетрадку, Светка спрыгнула с обрыва в колючие заросли и захрустела кустарником.

– И на фига было сюда забираться? – проворчал Мишка, изучая широкую колею, оставленную Светкой. – Уже давно бы на тренировке были.

– Дурак ты, Богдасаров, – не выдержала Томка. – Тебя зачем позвали? А ты что делал?

Мишка равнодушно пожал плечами.

– Я тоже должен был топтаться на самом краю и размахивать руками?

Тамарка раздраженно топнула ногой. Что с таким человеком разговаривать?

И вслед за Светкой спрыгнула в кустарник.

Что мы имеем? Дневник остался в целостности и сохранности. От Светки ничего не узнали. Есть какая-то Чумочка, черные пятна перед глазами и дельфины, которых кто-то вызывает. Очень интересно, но пока совершенно непонятно. А вот Маринки до сих пор нет. И это грустно.

Цыганова прорвалась сквозь последний колючий заслон и выбралась на тропинку чуть выше того места, где Мишка так неудачно уронил флягу.

Из кустов в месте падения фляги раздавалось сопение и знакомый голос бормотал о мировой несправедливости и о невозможности пропустить тренировку.

– Что ты хотела узнать у Харитоновой? – спросил Богдасаров, когда фляга снова оказалась на дорожке. – Какую такую она знает тайну, которую не знают остальные? И какие тут вообще могут быть тайны? Здесь же нет никого.

– Она знает, куда делась Маринка, – произнесла Томка заговорщицким голосом.

– Известно куда, – пожал плечами Богдасаров, примери-

ваясь, с какой стороны лучше подойти к злосчастной фляге. – Домой рванула. Это еще вчера все поняли. Одна ты из этого тайну делаешь.

– Как домой? – опешила Цыганова. – На чем же она уехала, если из местных ее никто не видел?

– Да они если что и видят, то не говорят, – Мишка взгромодил на себя флягу и потопал вниз. – Им вообще нельзя верить. Болтают всякую чушь.

– Откуда же взяли, что Маринка уехала?

– Ты что за завтраком делала? – От удивления Мишка остановился. – Об этом всем сказали. Повариха на станции была, все выяснила. Гусеву вчера там видели. Наталья Ивановна по телефону с ее мамой разговаривала. Маринка домой звонила из города. Как билет купила, так и кинулась к телефону. Так что завтра она уже будет дома чай пить и плюшками заедать. Да ты что! С утра об этом все говорили. Гусеву из секции исключают. За де-зер-тир-ство.

Томка остановилась.

Сбежала и никому не сказала? Даже ей, Тамарке.

Стало обидно. Так обидно, что и не сказать. В сердцах Цыганова забросила ненужный уже дневник в кусты.

А она-то Светку чуть с обрыва не сбросила. Заступаться начала. Тьфу, дура!

Никакой Чумочки не было. Это все выдумка. И вычеркнула все Маринка сама. Небось, жаловалась там на тяжелую жизнь, на бесконечные тренировки, на плохую кормежку. А

перед побегом стыдно стало, и чтобы никто не узнал, решила уничтожить свои записи. Могла бы весь дневник сжечь. Или с собой взять.

Впрочем, об этом Тамарка уже думала.

– Чего встала? Пойдем, – подогнал замершую Томку Богдасаров. – Может, еще на тренировку успеем.

– Слушай, раз ты все знаешь, – Цыганова догнала Мишку и пошла рядом, – расскажи про дельфинов. А то дед что-то такое говорил, а я не поняла. Что они, мол, всех местных ученых в воду утащили.

– Это какой дед? На красной машине? – Мишка поправил сползающую со спины флягу и пошел быстрее. – Он чокнутый. Этот дед нам первый раз такой бредятины нарасказывал, что Наталья Ивановна запретила слушать.

– Какой бредятины?

Тамарке на секунду показалось, что земля с небом меняются местами. Вот уже неделю она живет в этой бухте. Вокруг происходят странные вещи. Все их видят и знают, одна она, как с необитаемого острова – а что? а кто? а куда?

– Цыганова, ну ты даешь! – Они уже стояли около столовой, и Мишка с облегчением сгружал флягу со своей многострадальной спины на землю. – Мы же об этом еще в первый день договорились никому не рассказывать. На общем костре.

А где она была в первый вечер? Вместе со всеми. И ничего не слышала? У нее затычки в ушах стояли? Нет.

Тамарка почесала макушку и вдруг вспомнила. Все сидели у костра, а ее понесло на ночное море посмотреть. Посмотрела. А ребята в это время самое интересное обсуждали. И ведь никто ей потом об этом не рассказал. А еще подруги называются...

Цыганова готова была разреваться от обиды.

Но обидеться окончательно, а заодно и разреваться она не успела. Из кухни с чашкой чая в руках вышла Наталья Ивановна.

– Значит так, голуби мои, – Наталья Ивановна сделала большой глоток.

Она редко когда кричала. Ее холодный взгляд говорил больше. Сейчас тренер на ребят смотрела именно так. Равнодушно. Но ребята поняли, что спасения им ждать неоткуда. Казни не миновать.

– Еще один пропуск тренировки, – Наталья Ивановна обхватила чашку руками, грея свои вечно холодные пальцы, – и можете собирать вещи. Отправитесь следом за Гусевой. Заодно ей привет передадите.

– А мы молоко принесли, – подала голос Тамарка, потому что не считала себя виноватой в этом прогуле. Это было случайное стечение обстоятельств.

– Значит так, – продолжила Наталья Ивановна, недовольным поворотом головы давая понять, что никого слушать она не собирается, – плавать будете в тихий час. А сейчас идите переобуваться. Кросс пять километров. Заодно принесете

почту из поселка.

И она пошла к морю, где в радостных всплесках соленой воды проходила тренировка.

Мишка обиженно сопел, но говорить ничего не стал. С Натальей Ивановной спорить было бесполезно. Это ребята усвоили еще в первый год занятия плаванием.

Чтобы выказать Тamarке свою обиду, Богдасаров побежал вперед без нее. Но так как бегал он не ахти как, Цыганова быстро догнала его и пристроилась рядом.

– Так что вам этот дед рассказывал? – вернулась она к прерванному разговору.

Мишка молчал, всем своим видом показывая, что его сегодняшние беды происходят исключительно по вине Цыгановой, поэтому общаться с ней он больше не намерен.

– Мне он говорил про каких-то мертвяков. И что меня за мертвую принял, – не сдавалась Томка. – И что место, где стояла лаборатория, теперь проклято. Я и подумала, что Маринку духи утащили, – Цыганову понесло. Если нет информации, ее нужно придумать. – А тут еще Чумочка. Я ее как раз недавно видела. Она мне и сказала...

– Что ты ко мне привязалась? – не выдержал Мишка. – Хочешь услышать какую-нибудь байку, иди к девчонкам. – Богдасаров остановился и зло уставился на Томку. – Чтобы я еще когда-нибудь с тобой связался... От тебя одни неприятности!

Цыганова опешила.

Ничего себе заявочки! Это от нее-то неприятности? Кто бы говорил? Да если бы не Мишка!..

Она смотрела в спину удаляющемуся Богдасарову.

Ладно. Не хочет говорить – не надо! Без него обойдемся.

Тамарка глянула вверх на дорожку, где в жарком мареве исчезала бегущая фигура.

Хорошо! Богдасаров сам нарвался на неприятности.

Цыганова окинула взглядом склон и начала карабкаться вверх, срезая приличный кусок дороги.

Они с Мишкой встречаться не будут. Сейчас она его легко обгонит, добежит до поселка, заберет письма, и пускай потом Богдасаров сколько угодно доказывает, что он пробежал свои пять километров.

Карабкалась вверх Тамарка долго. Сыпучий камень выбивался из-под ног. Она ободрала все коленки и около поселка оказалась в весьма запыленном и изрядно побитом виде.

– А письма уже все забрали, – из-за окошка почты на Тамарку смотрели удивленные глаза служащей. – Минут пятнадцать назад прибежал мальчик и все взял.

Вот так-так!

Томка вылетела из почты.

Пятнадцать минут! Это с какой скоростью он мчался? Надо было внимательно посмотреть Мишке на ноги. Вдруг у него там сапоги-скороходы.

Цыганова сжала кулаки и побежала вниз по дорожке. Но чем быстрее она бежала, тем непонятнее становилась ситу-

ация. Два с половиной километра легко пробегаются за десять минут. А именно такое расстояние от лагеря до поселка. Если Мишка был на почте пятнадцать минут назад, то он не только до лагеря добрался, но и письма отдать успел. Но это невозможно! Богдасаров бегают не быстрее черепахи. Он не мог за те десять минут, что Тамарка карабкалась по горам, пробежать два с половиной километра. Не мог!

Томка прибавила ходу. Сейчас она его догонит и все выяснит. Наверняка у Мишки есть какая-то своя тайная тропа. И когда Цыганова о ней узнает, Богдасарову по-любому придется выложить все, что им в первый день нарасказывал дед.

Дорога вниз была не очень крутая. Тропинка словно сама подталкивала вниз. Тамарка бежала легко, быстро найдя нужный ритм.

Бежала, бежала... Бежала, бежала...

А потом посмотрела на часы. В хорошем темпе она шла минут десять, а вокруг был все тот же кустарник, белесые камешки на тропинке и никаких признаков моря. Как будто она не бежала, а все это время на месте простояла.

Цыганова споткнулась на ровном месте и растянулась, добавляя к своим ссадинам еще парочку.

– Черт! – выругалась Томка, звонко чихнула и поднялась на ноги. – Этого еще не хватало.

Она снова побежала вперед. Тропинка какое-то время шла вниз, а потом стала взбираться вверх.

У Тamarки в душе родилось нехорошее предчувствие, что она побежала не по той дороге. Видимо, от поселка вниз шло несколько троп, и сейчас Томка уверенно двигалась прочь от бухты.

– Ладно, уговорили, – пробормотала Цыганова, поворачивая в обратную сторону.

Она плохо ориентировалась на местности, поэтому не рискнула бежать по этой тропинке до конца. Внизу она и по-давно потеряется, а из поселка ее направят в нужную сторону.

Камешки, колючие кусты, белесая пыль. Тamarка стала выдыхаться. Все-таки свои законные пять километров она уже отпахала. Дорога резче взяла вверх, неожиданно став чуть ли не отвесной.

Такого спуска Цыганова на своем пути не помнила. Дорога вниз была более-менее пологой.

Она опять бежит не туда?

Томка вскарабкалась на пригорок и остановилась. Даже отсюда море было не видно. Цыганова зябко передернула плечами.

День какой-то сегодня странный. Сначала дневник, потом дед с молоком. Теперь загадочная тропинка, которая не хочет никуда вести.

Можно и дальше карабкаться наверх, но сил уже не было. Для очистки совести Тamarка прошла несколько шагов в сторону поселка. Сверху посыпались камешки, предупре-

ждая: «Не туда идешь».

– Уговорили, – повторила Томка, делая очередной поворот на сто восемьдесят градусов.

Она не была уверена, что тропинку спутала. Скорее всего ей просто не хватило терпения добежать до конца. Видимо, какой-то выступ в скале загораживает и море, и их лагерь. Его нужно просто обогнуть, а там уже свои.

И вновь Цыганова бежала вниз. Впереди нее подсакивали мелкие камешки. словно обрадовавшись, что Тамарка возвращается, тропинка опять стала пологой и очень удобной.

Раз, два, раз, два: гулко отдавалось сердце в такт бегу.

Поворот, поворот, еще поворот, и вот оно – долгожданное море. А внизу домики лагеря.

Так, так, проверим, что успел наговорить про нее Богдасаров.

Она бодро сбежала вниз и... остановилась.

Это был не их лагерь.

Она узнала бухту, узнала обрыв, на котором совсем недавно выясняла отношения с Хохряковой-Хомяковой. Узнала все, кроме домиков, стоящих около воды.

На первый взгляд это были те же четыре строения: корпус мальчишек, корпус девчонок, тренерская и столовая. Только на берегу был еще выстроен помост, длинным языком выдающийся в море. Слева от него был отмечен водный загончик. От помоста вверх поднималась антенна. Между домиками

ходили люди. Взрослые. Мужчины и женщины.

Незнакомые.

Из домика вышел мужчина в облегающем черном костюме, как у аквалангистов. Мужчина бодро дотопал до загончика, ступил в воду и вскоре скрылся из виду. Потом что-то такое произошло, из-за чего у Тamarки стрельнуло в ухе и заболела голова.

И появились дельфины. Они приближались небольшой стаей. Вожак уверенно шел впереди, высоко выпрыгивая из воды.

Зрелище было какое-то невероятное. Тamarка никогда не видела сразу столько дельфинов.

Вожак легко перемахнул заграждение и оказался в загончике. Мужчина тут же вынырнул из воды.

– Колдовство какое-то, – прошептала Цыганова. Она и не заметила, как ноги сами собой спустили ее в бухту, и она оказалась около импровизированной кухни.

– Ты как сюда попала?

Томка вздрогнула. Около кухни стояла невысокая плотная женщина с платком на голове.

Цыганова изобразила на своем лице улыбку, тряхнула головой и пошла к женщине.

– Я заблудилась, – звонко начала она. – Вроде по правильной тропинке шла, а попала к вам. Я из спортивного лагеря. Мы рядом стоим. У нас бухта совсем как ваша. Прямо копия. Наверное, я через перевал перемахнула. Вы не знаете,

тут вдоль моря нет короткой дороги?

Вместо ожидаемой умильной реакции глаза у женщины продолжали быть удивленными, брови собрались недовольными морщинками.

– Ты как сюда попала? – повторила женщина, словно Томка только что беззвучно открывала рот, а не выдала, может быть, лучшую речь в своей жизни.

– Я же говорю, заблудилась, – смутилась Тамарка, неуверенно оглядываясь вокруг. Может, поблизости окажется кто-то более понятливый. – А у вас здесь научная станция? Я дельфинов видела.

Женщина развернулась и с криками «Валера!» побежала к домикам.

Томка пожала плечами. Психи, они везде встречаются.

Но из ненормальных в бухте была не одна женщина. Из домика, куда она убежала, выскочили люди. И лица их не обещали ничего хорошего.

– Эй, – попятилась Томка, – вы чего? Мне же только дорогу спросить! Я ничего не трогала!

Но люди продолжали бежать на нее. У одного мужчины в руках было нечто, похожее на ружье.

– Мама! – вырвалось из Томкиной груди, и она бросилась обратно.

Что же за день такой? Она постоянно куда-то бежит!

Карабкаться в поселок сил не было, поэтому Цыганова направилась к берегу, надеясь найти проход в свою бухту. Но

успела она сделать шагов двадцать.

– Она здесь! – перед Цыгановой стояла кроха лет шести с плюшевым мишкой в руках. – Сюда!

Цыганова застыла и во все глаза уставилась на ребенка.

Куда она попала? Это было какое-то наваждение.

Со всех сторон к ней уже бежали люди.

– К морю! К морю гони! – орали они.

У Цыгановой все перевернулось в голове. Почему за ней гонятся? Что она успела сделать? Чем занимаются эти люди? Может, они ее с кем-то спутали?

– Погодите! – Томка выставила вперед руку, словно этим жестом могла остановить окружающее сумасшествие. – Я из спортивного лагеря. Мы здесь тренируемся. Здесь что-то не так!

– Из лагеря? – загудели в толпе. – Чужие. В море ее! К дельфинам! К дельфинам!

Тамарка почувствовала, что если она и дальше будет так пятиться, то окажется в море без посторонней помощи. Она глянула на далекий горизонт. Если очень постараться, то можно обогнуть мыс и оказаться в своей бухте. Только времени на это уйдет...

Эх, была не была!

Пока в толпе решали, что с ней делать, Томка по мелководью помчалась к помосту. Толпа ринулась следом.

Она успеет.

Доски под ее ногами жалобно ухнули. Помост оказался

предательски скользким. Томка чуть не упала в загончик слева. Прыгая то на одной ноге, то на другой, она сдернула с себя кроссовки. Без них ей будет удобней плыть.

Вот и конец дорожки.

Тамарка набрала побольше воздуха и ушла под воду.

Нужно как можно дальше поднырнуть под водой, чтобы ее не могли сразу заметить. Сбоку мелькнула огромная тень. Цыганова сначала решила, что ей померещилось. Но вот еще одна тень начала ее догонять. Томка повернулась, и из ее легких вышел весь воздух.

За ней стремительно неся дельфин. Рот остроносой мордочки у него была приоткрыт. И ничего доброжелательного, как рисуют на картинках или рассказывают в мультфильмах, в этом дельфине не было. Распахнутая пасть не обещала мирного приема, а множество зубов говорили о смерти быстрой и ужасной.

На рассматривание дельфиньей морды у Томки ушли последние силы. Она стремительно поплыла вверх. Ноги коснулось что-то холодное и жесткое. Цыганова изо всех сил заработала руками. От нехватки кислорода кружилась голова. Взбитая морская вода клубилась вокруг. В этом водовороте мелькали огромные фигуры животных. Казалось, что их здесь сотня и они сейчас раздавят тощее Томкино тело.

Она пулей всплыла на поверхность и стала жадно глотать воздух. Из воды тут же показался темный плавник. Он разрезал водную гладь в полуметре от Тамарки и скрылся.

В голове перепуганной Цыгановой родилась жуткая картина, как дельфин хватает ее за ноги и утаскивает на дно. В ужасе она завизжала и рыбкой прыгнула вперед.

Никогда она еще так не плавала. Все тело натянулось, как струна. Ноги и руки работали в бешеном ритме. Она неслась вперед. Волосы закрывали глаза. От этого ничего не удавалось увидеть. Вода была со всех сторон.

Рядом с характерным шорохом пронеслось большое тело. Тамарка крутанулась на месте, уворачиваясь от дельфина, поднырнула и снова устремилась вперед.

В голове стучалась одна мысль – от дельфина ей не уйти.

Но она все равно плыла и плыла, кидаясь из стороны в сторону, ныряя, выпрыгивая из воды и опрокидываясь на спину.

Горы, небо и вода смешались. В какой-то момент ей показалось, что она одна создает весь этот шум и что рядом уже никого нет.

Тамарка замерла. Море ходило вокруг ходуном. Далекий берег подозрительно кренился вбок. За каждой волной ей чудился жесткий серый треугольник плавника.

Но вокруг никого не было. Поднимались и опадали небольшие волны, легкие бурунчики с шипением сбегали вниз.

Томка сжала кулаки. Ладони пронизала боль. Она с удивлением посмотрела на руки. Ладони до крови были изрезаны. Значит, дельфины подходили к ней очень близко, и их острые плавники сделали свое дело.

Она смотрела и смотрела на руки, пока не заметила, что снизу, из-под воды, на нее надвигается черная тень.

Тело среагировало быстрее головы. Руки и ноги уже работали, а голова только сообразила, что дельфины никуда не делись, что они по-прежнему за ней охотятся.

В шуме воды расслышать что-либо было невозможно. Но в уши настойчиво лезло негромкое шипение, с каким плавник прорезает воду, еле слышный всплеск, с каким дельфин выныривает на поверхность.

Дельфины догоняли Тамарку. Они хватали своими острыми зубами ее за пятки. Жесткими носами подталкивали в бок. Уводили в открытое море, откуда уже не выплывешь.

Силы заканчивались.

Тамарка еще взбивала вокруг себя воду. Но руки уже работали с трудом, ноги еле-еле шевелились, а голову все труднее было поднимать из воды. Воздух в легкие не шел. Девочка хрипло вдыхала воду и ее же выплевывала.

Вот она последний раз вскинула руку и ушла под воду.

Вода... Небо...

Тамарка сдалась и замерла. Все, пусть теперь дельфины жуют ее хоть с кетчупом, хоть с горчицей. Она больше не сдвинется с места.

Море вокруг еле слышно плескалось.

Тамарка посмотрела на бирюзовое небо. Оно покачивалось вслед за волной. И было таким спокойным и далеким.

Шелестели волны.

Больше никаких звуков не было.

Еще боясь признаться себе в чем-то, Томка огляделась.

Бухта. Горизонт. Спокойное море.

Никого.

И снизу никто всплывать не собирался.

Цыганова отплыла в сторону.

Тишина.

Не веря в свое спасение, она медленно поплыла к берегу.

Издали было не видно – то ли это их бухта, то ли бухта сумасшедших ихтиологов, исследователей дельфинов, до такой степени не терпящих чужаков, что топят их в море.

Сколько она плыла, Тамарка не знала. Берег приближался с явной неохотой. В какой-то момент ей показалось, что он удаляется.

Потом ей в голову пришла мысль, что это не берег, а навязчивый мираж. Что на самом деле ничего нет. Только бесконечное море.

Но вот бухта приблизилась настолько, что уже можно было разглядеть домики. Там ходили люди. Много людей.

Ну и пусть.

Мысли лениво текли в Томкиной голове. Пускай что угодно делают. В воде она больше быть не может.

Мир медленно вращался вокруг нее.

Цыганова плыла и плыла, пока коленка не стукнулась о камень. Тогда она встала. Ноги не держали. Она опять плюхнулась в ненавистную воду. И чуть не захлебнулась, не в си-

лах поднять голову.

Потом она долго ползла на карачках. Вода все не кончалась и не кончалась.

Вокруг кричали. Размахивали руками.

– Да ну вас, – отпихивалась от подбежавших Тамарка. – Убивайте прямо тут. Я в море больше не пойду.

Ее куда-то тащили, а она все отстраняла тянущиеся к ней руки и требовала убить ее немедленно, но не отдавать на съедение дельфинам.

– Ну ты, Цыганова, совсем рехнулась, – произнес голос Мишки Богдасарова.

И Томка закрыла глаза.

Глава III

Как Тамарка не доехала до дома

Ей не поверили ни про дельфинов, ни про таинственную бухту, где живут ученые, убивающие всех, кто к ним приходит.

Наталья Ивановна грела свои вечно холодные пальцы о стакан с горячим чаем и недовольно поджимала губы.

– Кто тебе разрешил купаться, да в одежде? – строго спросила она.

Тамарка уже и не знала, что говорить.

Богдасаров сопел сбоку, всем своим видом показывая, что он тоже не верит Томкиным рассказам. По его словам выходило, что он один бегал в поселок, забрал письма и благополучно вернулся. А Тамарка, вместо того чтобы выполнять задание тренера, потихоньку вернулась с полдороги и преспокойно отправилась купаться.

– В рубашке? – от долгих криков голос Цыгановой охрип. Мишка пожал плечами, мол, что ждать от таких, как она.

Томка переводила взгляд с одного лица на другое. Ей никто не верил. Девчонки смотрели с сочувствием, ребята откровенно усмехались. Еще бы! Сама виновата. Решила втихаря поплавать, не рассчитала силы, еще и дельфины ее напугали. Вот пускай теперь и расхлебывает заваренную кашу.

– Но все было именно так! – из последних сил прошептала Тамарка. – Это совсем рядом, можно сходит и проверить. Бухта! Такая же, как наша! Я потому и спутала!

– Значит так, голуби мои. – Стакан звонко стукнулся донышком о крышку стола. – Закрываем эту тему. Все идут в столовую обедать, потом отдыхать. Ты, Цыганова, тоже.

– А тренировка? – подал голос Мишка.

«Все-таки Богдасаров чокнутый, – вяло подумала Томка. – Этого хлебом не корми, дай в воде поплескаться. Псих».

– Тренировки на тихий час отменяются. Всем спать. И хватит обсуждать этот бред.

– Почему бред? – вскочила Томка. – Тут идти полчаса!

– Рядом с нами нет никаких бухт, – отрезала Наталья Ивановна. – Если не веришь, можешь посмотреть карту, она есть в тренерской. На несколько километров в округе Волчья бухта единственная. Так что никаких дельфинов и никакую научную станцию с кровожадными учеными ты видеть не могла. Я уже несколько раз предупреждала, чтобы вы носили на голове панамки. Сначала бегают на солнце, а потом всякие глупости им мерещатся. Еще один такой фокус, Цыганова, и ты отправишься домой. И я думаю, что твоя спортивная карьера на этом закончится. Спорт – это прежде всего дисциплина, а в тебе ее нет. Все. Обед.

Народ потянулся в столовую. На Тамарку никто больше не смотрел.

Рядом с Томкой в столовой образовалось пустое про-

странство. От нее все шарахались, как от зачумленной. Словно общение с ней неминуемо приносило несчастье. Цыганова в гордом одиночестве вздыхала над своим супом, задумчиво водя ложкой по тарелке, и не понимала, что происходит.

Дельфины были? Были. Станция со странными людьми была? Была. Она даже лица этих сумасшедших ученых запомнила. Встретит на улице – обязательно узнает. И все это солнечный удар?

Томка подняла глаза и встретила взглядом с улыбающейся Хохряковой-Хомяковой. По ее виду было ясно, что она что-то знает и сильно радуется Томкиному невезению.

Цыганова вскочила. Все головы повернулись к ней.

Светка не шелохнулась.

Ладно. Она поговорит с ней потом. В другом месте.

Тамарка выбралась из столовой. Наталья Ивановна в куртке, с полотенцем через плечо шла к морю.

– Наталья Ивановна!

У Томки было очень много вопросов к тренеру. И про старика, и про тот разговор у костра, который она пропустила.

– Наталья Ивановна, а почему Маринка домой сбежала?

Тренер недовольно посмотрела на девочку. Она не любила, когда ее подопечные приставали с вопросами.

– Не каждому дано быть в спорте, – начала она строго, но Цыганова затрясла головой. Не то! Из-за такой ерунды Маринка не сорвалась бы с места. Гусева так хотела поехать.

Одна неделя изнуряющих тренировок не выбила бы ее из колеи.

– Но она любила плавать! – упрямо пробормотала Тамарка.

Наталья Ивановна перестала хмуриться и бросила быстрый взгляд на побережье. Они были одни. Убедившись в этом, она положила Томке руку на плечо и мягко сказала:

– Никто тебя выгонять отсюда не собирается. Только, пожалуйста, не наводи паники на пустом месте. Мы уже об этом говорили. Мало ли какие легенды рассказывают. Местным делать нечего, вот и выдумывают невесть что. Не становитесь похожими на них. И не надо приносить сюда их рассказы.

– Но я все это видела! – Тамарка была готова разрыдаться.

– Знаешь, Гусева тоже утверждала, что что-то видела, – Наталья Ивановна выпрямилась. – Но что здесь можно видеть? Море? Берег? – она снова пошла к воде. – Иди, отдохай. Вечером тренировка.

Наталья Ивановна положила полотенце, легко разбежалась, и вот уже ее руки замелькали вдалеке от берега. Она очень хорошо плыла. Тамарка любовалась сильными красивыми движениями тренера, пока в ее голове не всплыли слова: «Гусева тоже что-то видела...»

Видела, видела, видела... Ну, конечно! Гусева тоже видела эту станцию, ей тоже угрожали. Маринка испугалась и сбежала. И все это она записала в дневнике. А потом кто-то все это вычеркнул. Выкрал и вычеркнул, иначе тетрадка

так бы и осталась у Маринки. Дед говорил про мертвяков. А что, если?..

Тамарка и сама пока не могла объяснить свое загадочное «а что, если...». Все связано. Мертвяки, непонятная станция с дельфинами, Чумочка...

На всякий случай Цыганова сбегала в тренерский домик и посмотрела карту местности. Действительно, Волчья бухта была одна. Дальше шли бесконечные горы. За ними начинались новые бухты. Но они были другие по форме и находились далеко. Ни за что Томка не проплыла бы такого расстояния. Даже если бы за ней гнался крокодил.

А это значит, что по тропинке она спустилась в свою бухту. Только там вместо спортивного лагеря оказалась научная станция, которая была здесь много лет назад и которую закрыли, потому что творились в ней странные дела.

Хорошая картинка вырисовывается. Выходит, что здесь, на этом месте, время от времени возвращается прошлое. Тот дед говорил про мертвяков. Вот эти пришельцы из прошлого здесь и ходят. Почему же их все остальные не замечают? И что такого страшного видела Маринка?

«Надо попробовать прочитать дневник», – решила Тамарка и вышла из тренерской. На нос ей упала дождевая капля.

На море погода непредсказуемая. Только что светило яркое солнце и ничего не обещало непогоды. А вот уже и облачка набежали. И не просто легкие перистые облачка, а настоящие грозовые тучи, несущие с собой хороший ливень.

Цыганова побежала наверх. Такой дождь не только все слова в тетрадке размочит, но и сам дневник превратит в мокрую тряпку.

Дело осталось за малым. Вспомнить, куда она эту тетрадь забросила.

Дождик закапал настойчивей, и Тамарка стала соображать быстрее. Ее сегодня уже искупали в одежде. Второй раз мокнуть не очень хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.